

РУССКАЯ ДИАСПОРА В ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г.Ю.Никипорец-Такигава

Токио, Япония

Summary: In 1985 in Japan there were only 322 Russians with permanent residence status, but in the last ten years the number of Russians who live and work in Japan permanently has increased 30 times. The author describes the story of Russian diaspora in Japan from 1918 until nowadays, their attitude to the Russian language and the status of their language competence.

I. История русской диаспоры в Японии (1918-2007)

В 1985 г. в Японии постоянно проживало, имея японский вид на жительство, 322, в 1990 г. – 440, в 1995 г. – 2.169 граждан России. По сравнению с Китаем, где сегодня проживает 13.400 этнически русских, и с 25-тысячной эмигрантской общиной в Австралии, размеры русского присутствия на японских островах были настолько ничтожны, что выводили его за рамки принятой терминологии. Русские в Японии, несомненно, жили, но было не вполне понятно, как их именовать – мигрантами или эмигрантами, по каким признакам, кроме общности языка, объединять. Прошедшие двенадцать лет развеяли терминологические сомнения. В Японии поселилась русская диаспора, размер которой приближается к 10.000.

В истории русской эмиграции в Японии можно выделить три волны: первую волну 1918 – 1930 годов, «условно» вторую волну 1970 – 1990 годов и третью волну последнего десятилетия. Первая эмигрантская волна была послереволюционной. В 1918 году в Японии оказался 7.251 «русский»¹, и в течение двух последующих лет русская община оставалась самой многочисленной среди других иностранных. Япония строго ограничивала эмиграцию и не была особенно гостеприимна, поэтому численность русской диаспоры начала довольно быстро снижаться, большая часть перебиралась в Китай, где к тому времени проживало уже около 100.000 русских, и в Америку. В 1920 г. в Японии оставалось 3.150, в 1930 г. – 1.666 русских, зарегистрированных японской полицией². После второй мировой войны диаспора пополнилась русскими, бежавшими из коммунистического Китая, и «white Russians», как их называли американцы, которые служили в американских оккупационных войсках, однако в конце 50-ых начале 60-ых годов большинство русских покинуло Японию. Кто-то вернулся в СССР, кто-то в Америку, кто-то перебрался в Австралию.

В поздние 70-ые – ранние 90-ые годы в Японии стали появляться русские жены и мужья граждан Японии. Назвать их эмигрантами и их появление второй волной эмиграции можно лишь условно – эта группа была

¹ «Русским» официально считался любой беженец из Российской империи.

² Данные приводятся по материалам лекции профессора Казухико Савада.

очень разобщена, сильно интегрирована с Россией и часто вела мигрирующий образ жизни, живя то в Японии, то в России. До последнего десятилетия только одна категория японцев осмеливались нарушить негласное общественное табу на интернациональные браки – подолгу работающие за границей бизнесмены, журналисты и дипломаты. С другой стороны, и многие русские жены решались переехать в Японию. Из этих отважных складывались довольно специфичные браки, в которых японские мужья свободно говорили по-русски, домашним языком оставался русский, а семейная жизнь проистекала «на две страны и на два дома» из-за длительных служебных командировок японской половины. Исключение составляли советские японисты, которые вслед за выбором профессии выбирали себе и японское семейное счастье, оседая в Японии наиболее прочно.

В XXI веке рассеянная и разобщенная жизнь русских в Японии закончилась. До Японии неожиданно докатилась волна эмиграции из России 90-ых годов, которую в традиционных для эмиграции странах именуют третьей или четвертой. В Японии проживает примерно 600.000 корейцев, 500.000 китайцев, 200.000 филиппинцев и другие большие иностранные диаспоры. Несмотря на сравнительно скромные размеры русской диаспоры, ее рост от показателя 322 в 1985 г. до показателя 7.164 в 2004 г. поражает воображение. Последняя цифра из отчета миграционной службы Японии существенно занижена, так как не учитывает проживающих в Японии русских, имеющих японское гражданство или гражданство другой страны.

В эмиграции третьей волны выделяются две группы: трудовые мигранты, приезжающие в Японию работать, и русские мужья и жены, оказавшиеся или оставшиеся в Японии по семейным обстоятельствам.

В последние годы типичные трудовые мигранты из России в Японии – молодые люди, закончившие хороший технический ВУЗ в России и получившие в Японии второе образование. Они приезжают с семьями или без. Япония не всегда оказывается для них пунктом проживания в течение более чем десяти лет, за Японией могут следовать другие географические точки. Однако благодаря приобретенному японскому языку вместе с японским дипломом для многих Япония превращается в лучшую по сравнению не только с Россией, но и с Европой и Америкой возможность заработать, что заставляет остаться здесь надолго. Среди трудовых мигрантов много японистов: бум японского языка в России резко увеличил их армию. По количеству приехавших в Японию изучать японский язык студентов Россия в 2006 г. заняла третье место после США и Франции среди неазиатских стран. Приехавшие на годичную стажировку японисты нередко задерживаются, заканчивают японские магистратуры и аспирантуры и остаются в Японии жить и работать. Многие представители группы трудовых мигрантов обзаводятся японскими половинами, которые еще крепче связывают их к этой стране.

Вторую группу образуют русские жены граждан Японии. Жены «третьей волны» отличаются от тех, которых в течение XX века изредка привозили в Японию работавшие в России японские мужья. Прежде всего количественно. Русско-японские браки, которые считались некоторой экзотикой, стали нередким явлением.

II. Проблемы языковой компетенции эмигрантов «условно второй волны»

Среди эмигрантов «условно второй волны» оказались люди примерно одинакового уровня образования: высшего советского. Они в зависимости от семейных обстоятельств выбирают разные способы поведения эмигрантов, выделенные Хайнрихом Пфандлем: антиассимилятивное, ассимилятивное, бикультурное [Пфандль 1994]. Для значительной части русской диаспоры в Японии характерен еще один тип поведения, который можно назвать трикультурным, при котором, помимо освоения японской культурной среды и японского языка, русский эмигрант вынужден или стремится освоить еще и третий язык, и третье культурное поле. Третьим языком является обычно английский, культурное поле индивидуально для каждой семьи. Для русских жен, меняющих страны из-за служебных назначений японских мужей, обучение детей в интернациональной школе (обычно на английском языке) и собственное погружение в интернациональную общину оказывается вынужденным выбором. Часть родителей выбирает этот путь сознательно. Япония мононациональная страна, до сих пор во многом закрытая для иностранцев. Не все русские чувствуют себя в Японии уютно и собираются прожить здесь до старости, многие не видят здесь и будущего для своих детей. Поэтому среди русских родителей распространено желание учить детей не только японскому и русскому, но еще и английскому, а также не в японской, а в интернациональной или иностранной школе, чтобы дать шанс уехать, если не получится найти себе достойного применения в Японии. Русский язык в таких семьях стараются сохранить из общих интеллигентских соображений, а не из прагматических: к карьере в России пока, к сожалению, своих детей не готовят. Для родителей, имеющих высшее образование и советские представления о том, что чем больше знаний, тем лучше, стремление учить ребенка и по лучшим западным стандартам, и по лучшим русским вполне естественно.

Многие из старшей группы представителей эмигрантов «условно второй волны» легко нашли в Японии работу, тесно связанную с русским языком: на кафедрах русского языка или на Радио Японии. Русских в 70-ых и 80-ых годах было меньше, чем почасовых ставок, приезжали люди образованные, главным образом из Москвы и Ленинграда, поэтому работу удалось получить всем, кто ее хотел. Такая работа, с одной стороны, обеспечивает сохранность языковой компетенции, с другой стороны, обязывает поддерживать ее на достойном уровне. Однако жизнь в Японии в течение 25-35 лет, вынужденное двуязычие или многоязычие, в разной степени, но, безусловно, влияют на языковую компетенцию этой группы эмигрантов.

В целом, для большей части второй волны эмиграции характерно гиперкорректное использование языка в границах языковой нормы 25-35-летней давности в публичных высказываниях и стремление избегать ненормативных явлений в разговорной речи. Причин несколько. Прежде всего, профессиональная необходимость разговаривать на литературном русском языке и осознание ответственности перед студентами и собствен-

ными детьми, которым нужно передать лучшие образцы русского языка. Причина и в том, что у людей в прошлом разных профессий, волей судьбы вдруг оказавшихся преподавателями русского языка или дикторами и переводчиками на радио, существует определенная рефлексия по поводу своей профессиональной пригодности и языковой компетентности. Ненормативные явления воспринимаются как знак потери языка, как сигнал, который может выдать плохое владение родным языком. В наибольшей степени это касается просторечия, неприятие жаргонизмов и арго зависит от возраста: чем старше представители эмиграции второй волны, тем строже их представления о необходимости соблюдать языковую норму и о границах языковой нормы. К обценнизмам отношение другое – их воспринимают как «соль» культурного фонда, как способ показать свое тонкое владение языком, поэтому они встречаются в мужской разговорной речи эмиграции и иногда частотны до неуместности. Однако отношение к просторечию, жаргонизмам и арго в публичной речи едино и от возраста не зависит – их не допускают.

Для выяснения характерных особенностей речи эмигрантов второй волны автором изучались тексты, созданные представителями старшей подгруппы эмиграции второй волны для Радио Японии. В то время как в языке СМИ метрополии царит свобода формы слова и выражения, язык СМИ японской диаспоры продолжает оставаться консервированным продуктом советского производства: здесь твердо помнят запрет на использование ненормативных явлений в публичной речи и требование держать язык в границах нормы. Существует и представление о необходимости строго следовать газетно-публицистическому стилю. Это приводит к злоупотреблениям штампами. Многие явления в языке Радио Японии подобны явлениям, отмечаемым в языке СМИ метрополии. Несколько отглагольных существительных в одном предложении: *должно позволить осуществление более быстрого реагирования*; нарушение законов согласования и управления: *извлечение средств на бизнесе, начав войну на оказавшемся ложным предположении, заявляет о том, что*; повторы: *способствовать усилению веры детей в свои силы*, а также избыточность лексических средств. Тем не менее, по сравнению с языком СМИ метрополии, язык СМИ диаспоры демонстрирует большее количество нарушений лексической и семантической сочетаемости, ошибок внутри устойчивых сочетаний и неточного понимания значения слова.

Исследователи называют правила лексической и синтаксической сочетаемости неустойчивым участком при функционировании языка в иноязычном окружении. Среди них наиболее уязвимым оказывается идиоматичный участок языка [Гловинская 2004: 13]. Материал, изученный автором, демонстрирует, что в наибольшей степени неустойчивым оказывается участок газетно-публицистического клишированного идиоматического употребления. Вероятно, причины в искусственности происхождения устойчивых сочетаний в газетно-публицистическом стиле речи, безжизненности конструкций, которые не оставляют возможности для реконструкции внутренней формы. Это элементы языка, которые можно выучить наи-

зудь в результате ежедневного повторения, но не восстановить в памяти при помощи логических операций или опираясь на внутреннюю форму.

Так же как в языке метрополии, в языке Радио Японии много заимствований. Однако причины частотности заимствований отличаются от тех, которые влияют на высокую частотность заимствований в языке метрополии. Если в языке СМИ метрополии журналисты нередко прибегают к заимствованию для того, чтобы подчеркнуть свое знание иностранных языков, то журналистам диаспоры, напротив, необходимо подчеркнуть знание русского языка, в частности того, что русский язык СМИ требует определенного стиля. Заимствование же ложно понимается как элемент газетно-публицистического, книжного, литературного, но в любом случае не разговорного стиля. Вторая причина – объективного свойства: пишущему для русскоязычных зарубежных СМИ значительно сложнее удержаться от соблазна калькирования, нежели его российскому собрату, так как первый имеет дело, как правило, с иноязычными источниками, на основе которых создает русский текст. Развитое языковое чутье может остановить от бессмысленного калькирования русского журналиста, который постоянно находится в поле языка. Русский журналист, который 30 лет работает за границей, теряет остроту языкового чутья под давлением иностранного языка и не может использовать критерий «так говорят». Положение усугубляется тем, что СМИ метрополии, на которые эмигрантские СМИ и русскоязычные зарубежные СМИ ориентируются как на эталон, дают зеленый свет калькированию как явлению. Поэтому всякий раз, когда пишущий для Радио Японии начинает сомневаться, имеет ли он право не искать эквивалент, а просто слегка русифицировать английское слово, он может найти сотни примеров в Интернете, доказывающих, что его российские собратья по перу уже его опередили.

III. Проблемы языковой компетенции эмигрантов третьей волны

Эмигранты третьей волны активно принялись за обустройство русской жизни на японском острове. Они создают эмигрантские общества и активно общаются внутри диаспоры. Виртуальное общение русской диаспоры происходит в форумах и чатах нескольких русских порталов. В адресах русских порталов четко прослеживается деление русской диаспоры на две группы: первый подчеркивает профессиональную самоидентификацию учредителей клуба – www.yaponist.com, тогда как адрес второго – www.yaponomama.com. В Живом журнале (ЖЖ) есть несколько комьюнити, в которых общаются русские эмигранты: [ru_japan](#), [ru_gaijin](#), [all_japan](#), [fac_da_japan](#).

Первая группа русской диаспоры третьей волны, которую составляют хорошо образованные и недавно приехавшие из России трудовые мигранты, сохраняет ту довольно высокую языковую компетенцию, которую приобрела до переезда в Японию. В примерах языка трудовых мигрантов, которые можно найти в ЖЖ, нет отличий от языка метрополии. Пренебрежение замедляющими темп печатания запятыми, ошибки. Определить, незнание ли это правил орфографии (в том числе японской), нарочитые

опечатки или случайные описки невозможно, так как форма подчинена главному правилу Интернет-общения – правилу высокой скорости мысли и слова. С лексической и стилистической точки зрения трудовые мигранты пользуются языком по-разному, но пишут, в целом, умно, остроумно, талантливо и очень интересно. В речи трудовых мигрантов частотны японские заимствования, не имеющие эквивалентов в русском языке.

Для речи второй группы русской диаспоры третьей волны (жен японцев) характерно новое явление в русской эмигрантской речи – широкое использование в русской разговорной речи японских слов, которым можно найти русские соответствия: *Развожусь со своей данной*. В японском языке агглютинативное склонение, однако *danna* («муж») в данном примере склоняется по русскому типу одушевленных существительных мужского рода с окончанием *-а*, при этом согласуется с притяжательным местоимением как существительное женского рода. Такое употребление, вероятно, носит ироничный или шуточный оттенок, хотя в русском языке подобное сочетание (**развожусь со своей Сереей, *поссорилась со своей дедушкой*) трудно придумать даже в шутку.

Причин использования японизмов в русской разговорной речи несколько. Среди русских жен, приезжающих в Японию в последние 10 лет, много молодых и совсем юных девушек. Часть из них закончила только среднюю школу, другая часть значительно отличается от жен «условно второй волны» качеством и уровнем образования. Многие до приезда в Японию не знали никакого языка, кроме родного русского, приехав в Японию, учили японский язык сами, а не в школах и институтах, которые в Японии довольно дороги. Домашним языком в их семьях является японский или английский, но не русский, что тоже новое явление. Новые жены посвятили себя мужу и детям, что типично для японок, но нетипично для среды русских жен второй волны, которые получили статусную работу и заняли свое место в активной части японского общества. Исходя из этих особенностей социального характера, можно предположить, что эта группа в большей степени, чем две других, использует в повседневной речевой практике почти исключительно разговорный японский язык. Собственно, русский язык, которым пользуется основную часть времени эта часть русской диаспоры, тоже разговорный. Круг общения обширен, но ограничен родственниками, подругами, соседями. Такой круг предполагает определенную «бытовую» тематику общения и словарь, в котором значительную часть составляют элементы разговорной речи и клише женской японской речи³:

*Женица японка стоит в сторонке и смотрит как ее малыши(потом позже узнала ,что ему 1.8 месяцев)сам взбирается на горку ,согнувшись на корточки.Один раз чуть не упал,я успела подбежать вовремя.А мамаша как ни в чем не бывало.Стояла и даже бровью не повела.Во думаю **цуметай** мамаша! А он у нее такой лучезарный, ну*

³ Во всех примерах, использованных в статье, сохранена оригинальная графика, орфография и пунктуация.

очень акаруи ребенок. «На счет слова "КАВАИ"... Не знаю почему, но у меня оно автоматом выходит. Я уже и забыла когда употребляла слово "Хорошенькая"(ий).

Kawaii, tsumetai, akarui – оценочные прилагательные, широко используемые в японском языке при описании характера или внешности. *Kawai* используется, как правило, для описания внешности в значении «симпатичный, миловидный, хорошенький», при описании характера кого-то или характеристики ситуации – в значении «милый, приятный, славный». *Akarui* переводится как «светлый», сказанное о человеке, означает «живой, жизнерадостный, человек с легким характером, оптимист, веселый, энергичный». *Tsumetai* «холодный» в прямом и переносном значении. *Kawaii* является также одним из ключевых слов и формул японского женского речевого этикета, что приводит к последствиям в речи русских эмигрантов, описанным в последнем примере.

Японские слова встраивают в русские синтаксические конструкции, наделяют русскими грамматическими признаками, подчиняют русским моделям согласования и управления, образуют неологизмы, используя русские словообразовательные модели:

И потом, у японцев иные каноны красоты, а наши дети пока модны своей "каваийностью" и оригинальностью, не более этого. Но действительно красивыми они считают только своих белокожих детишек.

Всех представителей русской диаспоры объединяет желание учить детей русскому языку или сохранить уже усвоенный до какого-то уровня детьми русский язык, привезенный из России. В образовавшихся в советское время немногочисленных русско-японских семьях многим удавалось учить детей в России, возить за собой в командировки, сохранить русский язык как домашний. Некоторым эмигрантам условно второй волны не удалось передать детям русский, они общаются с ними по-английски и по-японски. Трудовые мигранты третьей волны эмиграции относятся к сохранению языка как к обязательному элементу образования ребенка. Кто-то планирует возвращение на родину и задумывается о продолжении образования ребенка в России. (Такие родители стараются посещать русский экстернат при посольской школе, чтобы обеспечить ребенку русский аттестат.) Кто-то руководствуется теми самыми уже упомянутыми общими интеллигентскими соображениями. В группе русских жен случается иное отношение к русскому языку, раздаются сетования на то, что дети говорят только по-японски: «У меня только по русски не получается, иногда при японцах приходится говорить по японски, даже довольно часто. Например, если она что-то плохое делает, я говорю по японски, что бы окружающие поняли, что я ее поведение не одобряю»; «По-русски не бельмеса, моя вина, каюсь». Есть и такое мнение: «А зачем ему русский, он в Россию никогда не вернется».

Заключение

За последние двадцать лет число проживающих в Японии русских увеличилось в тридцать раз: от скромной цифры 322 до внушительной 10.000. В русской диаспоре остается незначительное число потомков первой волны эмиграции, небольшая часть представителей эмиграции «условно второй волны», лицо же диаспоры определяет ее большая, молодая, активная часть – эмигранты третьей волны. Эмигрантов в Японии волнуют те же проблемы, которые знакомы эмигрантам разных стран: проблема сохранения языка детей, которые приехали сюда из России, проблема обучения языку детей, родившихся и живущих в Японии. Отношение к русскому языку, уровень языковой компетенции, степень желания передать русский язык своим детям различны у представителей разных волн эмиграции и обусловлены особенностями социального характера: уровнем образования, воспитанием, социальным статусом эмигрантов. Так как диаспора состоит главным образом из людей, приехавших в Японию не далее как десять лет назад, она пока сохраняет ту языковую компетенцию, которую приобрела до переезда в Японию. Однако можно прогнозировать движение в сторону нарушения языковой компетенции с течением времени. Время покажет, какие участки русского языка молодой части русской диаспоры окажутся наиболее неустойчивыми.

В японской истории русской эмиграции за приливами следовали отливы (прилив в 1918 г. – отлив в 1930 г., прилив в начале 40-ых – отлив в конце 50-ых годов). Эмигранты первой волны оказались заброшенными в Японию революцией. Для эмигрантов второй волны привычен кочевой образ жизни, и длительное пребывание в Японии носит во многом временный и случайный характер. Третья волна эмиграции прибыла надолго. Во все еще непростой для эмигрантов стране, где профессиональный успех невозможен без знания японского языка, наши соотечественники учатся, получают японские дипломы, живут, работают, женятся, рожают детей, учат их в японских школах и в университетах. Прочно укореняются в Японии русские жены третьей волны эмиграции, не планируя возвращение или переезд. В сторону большего расположения к иностранцам меняется и Япония, недавно вступившая в демографический кризис. Очевидно, некоторое время диаспора будет расширяться, и, вполне возможно, за третьим приливом не последует отлива. Все это делает чрезвычайно важной и увлекательной задачу наблюдения, изучения и научного описания проблем русской диаспоры и проблем русского языка русской диаспоры.

ЛИТЕРАТУРА

Гловинская 2004 – *Гловинская М.Я.* Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // *Русскоязычный человек в иноязычном окружении* / Ред. А.Мустайоки, Е.Протасова. *Slavica Helsingiensia* № 24, Helsinki, 2004, с. 13-20.

Никипорец-Такигава 2007 – *Никипорец-Такигава Г.Ю.* Русская диаспора в Японии // *Диаспоры.* М., 2007 (в печати).

Пфандль 1994 – *Пфандль Х.* Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом, 1994, № 5-6, с. 101-108.

Итоги переписи населения 1995 года:

<http://www.stat.go.jp/data/kokusei/1995/17.htm>

Японское статистическое агентство:

<http://www/stat.go.jp/data/nihon/index.htm>

«Клуб русскоговорящих мам в Японии»: www.yaponomama.com

«Русский клуб в Японии»: www.yaponist.com